

Б. В. НИКОЛЬСКИЙ

**Литературная деятельность
К. П. Победоносцева**

(По поводу пятидесятилетнего юбилея)

I

Поразительное явление для нас, индивидуалистически воспитанных и развитых умов, представляет ум, вооруженный отборнейшими средствами современной науки, обогащенный огромным опытом всесторонней государственной деятельности, обладающий обширною властью, — и пренебрегающий тем индивидуализмом, который для нас кажется главным счастьем, величайшей отрадой жизни. Человек, который не только не старается, не только даже не хочет быть самим собой, а напротив, как будто вовсе не нуждается в этом и более всего стремится слиться с окружающей его жизнью, усвоить себе и осуществить выработанные ею идеалы, ценимые им выше всякого индивидуально-творческого произвола, сберечь и укрепить все связывающие его с действительностью нити, подчиниться всем унаследованным формам и всецело жертвовать произволом личного умозрения вековым предписаниям и началам, — такой человек является для нас величайшею загадкой. Нам кажется странным, когда он обращается с народной исторической мудростью не как своевольный и самостоятельный наследник, а как щепетильный душеприказчик чужого богатства, не пренебрегающий ни одной копейкой и ни одной копейки не тратящий на себя самого. Сберечь, привести в ясность и порядок, совершенно усвоить себе эту древнюю мудрость, так чтобы в каждый миг быть в состоянии дать в ней полный и точный отчет, и сделать это без всякого принуждения, из чистой любви, — как дико это кажется современным умам, склонным пренебрегать сокровищами истории и

ублажать свое самолюбие сотканной своими мозгами паутиною в каком-нибудь темном и затхлом углу. Мы допускаем возможность безличности в умах неразвитых, тупых, неповоротливых, неспособных подняться над воспринимаемыми из окружающей жизни впечатлениями; но нам как-то не верится в ее возможность для тонких и глубоких умов. Нашим западным воспитаньем мы действительно отучены от своей жизни, от своего народа; нам представляется странным явлением, чуть не лицемерием, чем-то во всяком случае напускным, искусственным, чистая и бесхитростная любовь к родной жизни так, как она сложилась, без всяких требований к ней, без всяких личных поправок и изменений к ее установившемуся строю. Чистая и цельная любовь к своей родине казалась «странной», «непобедимой рассудком» гениальному юноше, увлеченному западными идеалами. Любовь к своему казалась ему противоречащей разуму, и только как с неразрешимую загадку, считался он с нею. Он говорил о своей любви к «отчизне», как о какой-то душевной слабости, с которой он не может совладать, которой не может победить его рассудок. Он ощущал в себе любовь к родному только вопреки сознанию и убеждению. И — странное дело! — мы в этом-то и видели его подкупающую искренность, мы только такую неубежденную любовь, прорастающую сквозь сознание, как трава сквозь щели каменных плит, и понимали. Мы вымостили себе душу западным знанием, как каменную броней, и удивлялись, что не вовсе под нею замерла жизнь сердца и чувства. И чем дальше, тем больше распространялось равнодушие к родному, рассудочное презрение к своему прошлому, надменно озирающее «древней старины заветные преданья». В наших умах установилось, как аксиома, пренебрежение ко множеству явлений родного быта и насмешка над еще большим их множеством. Любить этот хлам, дорожить им, а тем более признаваться в таких чувствах казалось нам чем-то позорным, недостойным образованного человека, тем более искать смысла и значения в этих оставленных за последние века формах. И надо заметить, что именно формы-то мы и презирали всего глубже, из них-то упорнее всего и старались вырваться; а говорить о любви к формам нам казалось смешным и странным.

Между тем, именно такая любовь, такая верность окружающей жизни составляют самую характерную особенность всей литературной деятельности К. П. Победоносцева. Говоря словами Гоголя, он «озирал всю громадно несущуюся жизнь» с глубоким благоговением к величавому потоку ее истории. Он всецело был выражением этой жизни, ни в чем от нее не отделялся, ни в

чем не старался ее дополнить или исправить; все его стремление было направлено к тому, чтобы всецело охватить умом эту историческую громаду, вникнуть в ее глубокий внутренний строй, изучить его внешние проявления. Руководящим основанием этого стремления могла быть и действительно была только несокрушимая, спокойная вера, напоминающая железную веру древних римлян в величие Рима и обычаи предков. К нему вполне применимы те слова, которыми он характеризует гражданскую роль И. С. Аксакова: именно, он всю свою жизнь стоял и действовал *на костях* целых поколений, принимая от них годами накопленную силу*. Твердо нужно верить в родной народ, чтобы его истинно любить; а сколько любви к нему нужно иметь для того, чтобы дорожить каждою мелочью родной истории, чтобы не бояться напрасно затратить время на изучение каждого документа. Только в римлянах и китайцах можно встретить подобное трудолюбие, которое предпринимает не спеша, казалось бы, невыполнимые работы и спокойно заканчивает их для того, чтобы отдаться новым, по-видимому, столь же кропотливым и неблагоприятным замыслам. «Изучать надобно самые памятники законодательства, — говорит К. П. Победоносцев приступающим к изучению русского гражданского права. — Для сего мы имеем превосходный материал в “Первом полном собрании законов”, и за него-то надобно взяться всякому, кто захочет заниматься русским правом серьезно. К полному собранию законов прибегают обыкновенно лишь на случай справок, и тогда приискивают в нем нужные указы, большею частью при помощи изданного при оном алфавитного указателя. В полном собрании законов необходимо самому пробивать себе дорогу, и потому я серьезно советую всякому истинно жаждущему знания приняться за чтение полного собрания, начиная с первого тома. При чтении необходимо составлять для себя краткие отметки и выписки, которые впоследствии останутся для читателя на всю жизнь надежнейшим и полнейшим указателем на случай нужды. Многим может показаться странным такой совет; но смею уверить всякого, что такое чтение, в начале, правда, требующее некоторых усилий, вскоре окажется интересным, а для иных и увлекательным чтением. С каждым томом читатель станет входить в силу и живее почувствует в себе драгоценнейший плод внимательного труда — здоровое и дельное знание, то самое знание, которое необходимо для русского юриста и которым русские юристы, к сожалению, так часто пренебрегают, питаясь из источников иноземных: не-

* Вечная память, с. 63.

заметно воспринимают они в себя понятия, возникшие посреди истории чужого народа, усваивают начала и формы, на чужой почве образовавшиеся и связанные с экономией такого быта, который далеко отстоит от нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятие о потребностях нашего юридического быта и о средствах к их удовлетворению, пренебрежение или равнодушие к своему, чего не знают, и преувеличенное мнение о пользе и достоинстве многого такого, что хорошо и полезно там, где из своего быта выросло, но криво и лживо оказывается там, где нет соответствующей почвы и соответствующих условий исторических и экономических. Такое знание невозможно признать здоровым и истинным, как отрешенное от жизни, следовательно — от истины. Напротив, тем и дорого изучение нашего полного собрания законов для русского юриста, что здесь каждое явление юридическое, каждое положение представляется в связи со всею обстановкою быта, со всеми данными историческими, и в совокупности с ними объясняется»*.

Выписанное место — одно из самых важных для понимания разбираемого писателя. В нем высказывается на частных примерах целое мировоззрение. В нем выражено требование точного и твердого знания, знания положительного и наглядного, чуждого смелых обобщений и умозаключений. В нем выражено отвращение ко всякой предвзятости, ко всякой теоретичности, ко всякому предрешению частных общими взглядами. В нем заявлено твердое требование дисциплины мысли на положительном опыте, изощрения суждения к пониманию частных не отвлеченной логической эквилибристикой, а непрерывным изучением формальных данных. В нем слышится благоговение к народу и жизни народной, то благоговение, которое не требует смирения, не принуждает к нему, а неразрывно с ним. «Кто поистине любит науку и прежде всего стремится войти в силу ведения и мысли, тому не след увлекаться нетерпением — стать поскорее в ряды видных деятелей. Пусть он сначала, и долго, пробует себя на скромных задачах: чем скромнее задача, тем труд будет сосредоточеннее; чем уже он выберет для себя поле, тем глубже он его разработает»**. Не эта ли же самая мысль, но в праздничном наряде поэтического одушевления, подымается у автора к еще более высоким формам жизни, чем научные знания, когда он говорит: «Входишь — церковь полна, и яркий свет льется во тьму из окон. Входят, крестятся, и вскоре — точно колосья в

* Указатели и приложения к курсу гражданского права, с. 87–88.

** Ibid., с. 90–91.

снопе — сплотилась в одно вся толпа народная. Православному человеку отрадно — исчезать со своим *я* в этой массе молящегося народа, которая сливается в эти минуты в единую праздную пред Богом душу, и волна народной веры и молитвы поднимает высоко и молитву и веру у каждого, кто, не мудрствуя лукаво, принесет с собою в церковь простоту верующего чувства *. А вот она же, ставшая твердым и веским словом умудренного полувековым опытом государственного деятеля: «Скучно поднимать нить на том месте, на котором покинул ее предшественник, скучно заниматься мелкою работой организации и улучшения текущих дел и существующих учреждений. И всякому хочется переделать все свое дело заново, поставить его на новом основании, очистить себе ровное поле, *tabula rasa*, и на этом поле творить, ибо каждый предполагает в себе творческую силу. Но не время ли этим преобразователям подумать о том, что они стремятся иногда слишком легкомысленно налагать смелую руку на существующее, разрушать старые здания и строить на место их новые, слишком беззаботно и самоуверенно спешат осуждать утвердившиеся порядки и разрушать предания и обычаи, созданные народным духом и историей; что они, строя громаду новых законов, которые прошли мимо жизни и с которыми жизнь не может справиться, насилуют в сущности те самые условия действительной жизни, которые отрицает решительно масса отъявленных врагов цивилизации. Между тем стоит только пройти по улицам большого или малого города, по большой или малой деревне, чтобы увидеть разом и на каждом шагу, в какой бездне улучшений мы нуждаемся, и какая повсюду лежит безобразная масса покинутых дел, пренебреженных учреждений, рассыпанных храмин. Вот жатва, на которую требуются делатели, куда надобно направить личные силы мысли, любви и негодования, где потребны не законодательные приемы преобразования, отвлекающие только силу, а приемы правителя и хозяина, — собирающие силу к одному месту для воздвигания и улучшения. Не расширяй судьбы своей, было вещание древнего оракула: не стремись брать на себя больше, чем на тебя положено. Какое мудрое слово! Вся мудрость жизни — в сосредоточении мысли и силы, все зло — в ее рассеянии. Делать — значит не теряться в множестве общих мыслей и стремлений, но выбрать себе дело и место в меру свою, и на нем копать, и садить, и воздвигать, к нему собирать потоки своей жизненной силы, в нем восходить от работы к знанию, от знания к совершению и от силы в силу» **.

* Праздники Господни, с. 51–53.

** Московский Сборник, с. 117, 119–120, 122–123.

И вот наконец та же мысль, то же воззрение, выразившееся в величественном и широком созерцании историка, ищущего связи между событиями народной жизни и личностью отдельного человека: «Человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа: кость от костей, плоть от плоти своих предков, сынов того же народа, и его психическая природа есть их природа, с ее отличительными качествами и недостатками, с ее бессознательными стремлениями, ищущими сознательного исхода. У всякого народа, как и у отдельного человека, есть своя история, своя сеть событий и действий, в которых стремится воплотить себя душа народная. В исторической науке пытливый ум, критически исследуя факты, действия и характеры, желает определить точную достоверность их и уловить взаимную их связь и внутреннее значение в судьбах общественной и государственной жизни народа. С глубоким интересом, с наслаждением, с удивлением читаем мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критического ума, искусством художника; по старинному выражению, история — учительница народов, граждан и правителей. В ином, более глубоком, смысле, история земли и народа *образует* человека, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вносит в историю свое живое чувство, и тогда всякий факт, всякий характер в истории отвечает на то, чему душа верит, что ум в состоянии обнять, так что своя духовная жизнь становится для человека текстом, а летопись истории комментарием к нему. В этом смысле события открывают ему свое таинственное значение, и мертвая летопись оживает поэзией духовной жизни целого народа. Иное, в чем наука, анализируя факты и свидетельства о них, видит одну легенду, сложившуюся в народном представлении, — то самое получает смысл явления, оправдавшего себя в жизни и в истории, становится истиной для духа. Чего бы ни достиг разлагающий анализ ученого историка в исследовании сказаний о Владимире, о Димитрии, о Сергии, об Александре Невском, — для чуткой души это явление, этот образ становится созвездием, проливающим на нее лучи свои, совершающим над нею свое течение в тверди небесной» *.

Выписанные места дают уже целую характеристику, убедительный и цельный строй широких и твердых воззрений, железный образ истинного боярина в том смысле, который придала этому слову русская история в лучших ее преданиях. В умственном складе разбираемого писателя мы встречаем бесподобный образ прямолинейного, твердого, цельного, уравновешен-

* Вечная память, с. 195–107.

ного и неспешно величавого русского мужества, трудолюбивого, верного родной старине, полагающегося не на слова, а на опыт, и на незыблемом подножии миновавших столетий спокойно пренебрегающего шумихой, суетой и тревогами неустойчивой современности. Становясь деятелями, такие люди не спешат, не колеблются и не отступают. В тишине мирной государственной жизни они незаметны и неслышны; нужны важные события, трудные времена, чтобы обнаружить их во весь их рост. Так невидные во время затишья подводные скалы незыблемо выступают из хаоса беспорядочно возмущающихся и пресмыкающихся волн, сосредоточивая около себя всю ярость вод и бури, и вновь скрываются под поверхностью моря, когда буря минует. Об их острые выступы разбиваются враждебные армады, к их подножию бросают якоря суда и флоты окрестных вод. Как ни бесцветна, второстепенна и незаметна по первому взгляду их роль, однако же такие люди собирают около себя историю, как у поэта бурю оклик леса-богатыря:

Вороти вокруг,
Держи около!

Эти люди — действительно вершины родной земли, и таких людей, умеющих сохранить то, что им доверено, выбирал себе в диктаторы римский народ в эпохи смут и бедствий, поручая какому-нибудь оторванному от сельского плуга Цинциннату «заботиться, чтобы государство не потерпело в чем-либо ущерба». Таков был древний Катон, первый прозаик и первый оратор Рима, железный блюститель заветов и доблестей старины, несговорчивый противник легкомысленных поклонников эллинских новшеств, ветеран пунических войн и умелый сельский хозяин, историк и политик, центр сената и гроза вольномыслия, ненавидимый всему «прогрессивному» Риму и неизменно выбираемый народом на все должности, на какие бы ни выступил кандидатом, наиболее ненавидимый деятель и самый безупречный из граждан своей эпохи. Такими людьми стоял Рим, еще не помышляющий о всемирном могуществе, но уже непобедимый военными силами всего мира. Не ими он рос, не ими он жил, но ими держался, как костями живой организм. От таких прибрежных скал и разливалось когда-то всемирное римское море.

II

Разнообразную авторскую деятельность разбираемого писателя трудно описать в немногих словах; но самая постановка

предмета нашей статьи, суживая задачу к обозрению только литературной его деятельности, а, стало быть, и к оценке только литературного ее значения, несколько облегчает трудность дела. Первою литературною особенностью каждого писателя является его слог. И нельзя отрицать замечательного своеобразия слога К. П. Победоносцева. Он обладает удивительным искусством писать какими-то *несомненными* словами, с какою-то механическою точностью выражающими свое содержание. Даже в минуты одушевления в его речи слышна металлическая, звонкая точность; его слова не отстают от мыслей, не обгоняют их; ни намеков, ни поэтической недосказанности в них нет. Как стилист он, можно сказать, чеканит свои мысли. И это не элегантная, нарядная чеканка изысканных и пышных французских стилистов, нередко по ближайшем рассмотрении оказывающаяся просто изделиями из дутого металла; это добросовестная, несколько тяжеловесная и угловатая обработка полноценных, веских мыслей. Приведем для примера немногословную, образцовую в отношении слога, характеристику императора Александра III: «Странно было вступление его на царство. Он воссел на престол отцов своих, орошенный слезами, поникнув главою, посреди ужаса народного, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихий свет, горевший в душе его, со смиреньем, с покорностью воле Промысла и долгу, рассеял скопившиеся туманы, и он воспрянул оживить надежды народа. Когда являлся он народу, редко слышалась речь его, но взоры были красноречивее речей, ибо привлекали к себе душу народную; в них сказывалась сама тихая, и глубокая, и ласковая народная душа, и в голосе его звучали сладостные и ободряющие сочувствия. Не видели его господственного величия в делах победы и военной славы, но видели и чувствовали, как отзывается в душе его всякое горе человеческое и всякая нужда, и как болит она и отвергается от крови, вражды, лжи и насилия. Таков сам собою вырос образ его пред народом, пред всею Европой и пред целым светом, привлекая к нему сердца и безмолвно проповедуя всюду благословение мира и правды» *. Или вот другой отрывок, не менее удачно выражающий немногими словами и образами целую жизнь, яркую картину: «С раннего утра в чистый понедельник уже ощущается тихое веяние великого поста. Какая тишина в Московских улицах и переулках, и в свежем чистом весеннем воздухе, какою гармонией звучат серебрястые переборы колоколов, отовсюду зовущих к заутрени!» **. Или вот наконец состоящая из шести

* Вечная память, с. 101–192.

** Праздники Господни, с. 9.

слов несравненная характеристика «Исповеди» блаженного Августина: «чудная история души, лучистыми слезами писанная» *.

Таков в общем слог К. П. Победоносцева; но не в одном этом его особенности. Манера его письма всецело заимствована им у наших духовных писателей и может быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдает, как известно, однообразием сравнений и уподоблений, допуская риторическое творчество лишь в пределе немногочисленных, традиционных образов, украшений и фигур. Слова обыденной речи она заменяет их синонимами, носящими книжный характер, и таким образом живость и меткость речи заменяет отвлеченной кристаллической точностью. Она допускает большие грамматические неправильности, изобилует латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственном укладывании гибкой и подвижной русской речи в искусственные, угловатые церковно-славянские обороты. Но при всех этих недостатках церковная стилистика носит на себе неизгладимый отпечаток художественного благородства. Она вышла из школы писателей древнего мира, этих более чем служителей, а скорее жрецов слова, ревностных блюстителей его чистоты, красоты, разнообразия и силы. Она внушает своим адептам «изящную законченность выражений и их искусную расстановку, содержащую смелость образов, вдохновенное искусство композиции» **. Она требует от писателя действительного творчества, о чем бы он ни писал; она не допускает готовых слов с готовыми мыслями, но требует для всякой мысли *создавать* ее врожденное выражение. Потому она учит сообщать интерес предметам их описанием, значение мыслям их выражением. Оттого, например, до настоящего времени сохранили интерес, свежесть и прелесть новизны превосходные «Письма о путешествии наследника цесаревича» ***, с точки зрения выполнения и слога действительно напоминающие классических авторов. Самые, по-видимому, незначительные подробности и эпизоды знаменательного путешествия приобретают какую-то особенную яркость, выпуклость и значение от того сжатого, точного и оживленного слога, которым описаны. Усердие историка, ученого и политика применено здесь образцовым стилистом к небольшому биографическому эпизоду,

* Победа, победившая мир, стр. 26.

** *Patin*, Etudes sur la poesie latine, Paris, 1883, т. 1, с. 72.

*** Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. Москва, 1864. Кр. 8°, стр. X + 568. Этой книги давно уже нет более в продаже.

и результатом этого усердия является совершенно неожиданная прелесть для читателя простых, но разнообразных, «не мудрствуя лукаво», но обдуманном летописном тоном описанных событий.

Другого рода законченности слог разбираемого автора достигает в его переводах и компиляциях. Так, например, в своем переводе «О подражании Христу» Фомы Кемпийского * он дал замечательный образец чрезвычайно оригинальной прозы, удивительно удачно совмещающей в себе латинские, церковно-славянские и современно-русские элементы. «Блажен, кого истина сама собою учит, не преходящими образами и звуками, но так, как сама есть. Свое мнение и свое чувство часто нас обманывает и немного видит. Что пользы высоко умствовать о скрытых и темных предметах, о чем и не спросят нас на суде, зачем не знали. Великое безумие, что, оставив полезное и нужное, все старание прилагаем к любопытному и предосудительному. Очи имеем и не видим» **. В том же стиле и с таким же успехом выполнен и недавний перевод 9-й книги из исповеди блаженного Августина ***. С другой стороны, прекрасным и правильным современным языком, отлично передающим наивный, обстоятельный и складный тон подлинника, переведены «Приключения Вратислава» ****. Здесь переводчик очень счастливо схватил своеобразное славянское изящество подлинника, его бесхитростную простонародную художественность. Менее обращает на себя внимание перевод небольшой нравоучительной брошюрки Тирша, давно распроданной и не переизданной *****. На границе между переводами и компиляциями стоит уже названная статья «Победа, победившая мир», имевшая огромный успех и в один год выдержавшая четыре издания. Наконец, чисто компилятивную работу представляется возбуждавшая много толков и пиратств, не попавших в печать и потому непозволительно

* Фомы Кемпийского о подражании Христу четыре книги. Новый перевод с латинского К. П. Победоносцева. Шестое издание с примечаниями и размышлениями из духовных писателей. Спб., 1896, 8°, с. XII + 359.

** Подражание Христу, с. 5.

*** Победа, победившая мир. Издание К. П. Победоносцева, четвертое. Москва, 1895. Стр. 96, мал. 8°. С. 57–96.

**** Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе и турок с австрийским посольством 1591 г. Перевод с чешского К. П. Победоносцева. Спб. 1877. С. XX + 252, 16°.

***** Христианские начала семейной жизни. Москва, 1861. С. 195, 8°.

преувеличенных, «История православной церкви» *. Во всяком случае относительно этого краткого учебника можно сказать то же, что относительно всех компиляций, составители которых стоят неизмеримо выше авторов, ими компилируемых: это, в сущности, заново написанная вещь, компилятивное происхождение которой сказывается только в чрезвычайной объективности и общедоступной простоте изложения. Составитель выбирает простейшие, общедоступнейшие мысли в бледном изложении простых и незаметных писателей, в самой простоте авторов которых, ему недоступной с вершин его дарований и образования, он видит залог соразмерности этих мыслей пониманию простейших читателей, и, так сказать, сверху дает надлежащее выражение этим робким мыслям невысокого подъема. В результате вместо бледного лепета получается точная, определенная, сомкнутая речь, и детские мысли получают выражение, которое поднимает их до уровня высшего знания, опыта и мудрости. Идеал общедоступности оказывается достигнут именно тем, что сильный и глубокий ум подчиняется привычкам, требованиям и слабости умов обыкновенных, но зато своим изложением сообщает высшее возможное совершенство, широту, законченность и прозрачность узким, тесным и смутным понятиям обыденного человека. Только что сказанное дает повод отметить третью особенность слога разбираемого автора: его величайшую простоту и общепонятность. Простейшему человеку открыть словом путь и дать крылья выражением к самым отвлеченным, тонким и сложным понятиям — вот, по-видимому, его постоянное намерение. Мысль автора все время хочет быть близкой к окружающей жизни, не залетая в сферу немногих, а непрерывно сближаясь с областью слабого большинства.

III

От особенностей К. П. Победоносцева как писателя переходим к предметам его литературной деятельности. Эти предметы распределяются в довольно неравной степени между наукой и художественным творчеством. Упомянутые в предшествующей главе «Письма о путешествии наследника цесаревича» были работою случайной, «Приключения Вратислава» были переведены в эпоху противотурецкого возбуждения и балканской кампании,

* История православной церкви до начала разделения церквей. 3-е издание К. П. Победоносцева. СПб., 1895. 8°, с. XXIV + 222 + II.

наконец, остальные переводы и компиляции также не связаны неразрывным единством с прочими произведениями автора. Они могли бы быть, могли бы не быть, — его характеристика осталась бы та же, только его дарования проявились бы менее разнообразно да русская литература не досчиталась бы нескольких интересных и замечательных книг. Точно то же можно сказать и о сборнике «Северные цветы» *: это хорошенький томик миниатюрного формата, заключающий небольшую хрестоматию стихотворений и отрывков из крупных произведений Пушкина в стихах. Выбор тех или других пьес интересно характеризует вкусы и симпатии составителя сборника; но больше сказать о нем нечего.

Научные произведения разбираемого автора касаются догмы и истории русского права. Главнейшее из них — знаменитый курс гражданского права **. Менее известны, но не менее почтенны в научном отношении исторические статьи *** автора. Наконец к этому же отделу относится и небольшая журнальная статья о Ле-Пле, вышедшая также и отдельной брошюрой ****. Эти работы составили эпоху в истории нашей юридической науки, и пространный обзор и оценка их представили бы из себя слишком обширный труд для настоящей статьи, к тому же труд, не отвечающий принятой нами узкой постановке ее предмета. Потому в дальнейшем будет лишь немногими чертами обрисован общий дух и направление этих работ, поскольку они могут дополнить предпринятую литературную характеристику.

Верность старине и верность действительности, преданность и любовь родной жизни всегда берут свое начало в семье и проявляются прежде всего и прочнее всего в строгом соблюдении и охранении семейного очага. Исторические предания не могут стать живым предметом благоговения для человека, который не вынес из родной семьи прочных, крепких и дорогих ему тради-

* Северные цветы. Выбор из стихотворений А. С. Пушкина. СПб. 1888 г., 144 с., 16°.

** Курс гражданского права. 8°, СПб., 1896, 1-я часть, вотчинные права, с. VII + XIV + 745. 2-я часть, права семейственные, наследственные и завещательные, с. IX + 676. 3-я часть, договоры и обязательства, с. X + 620. Указатели и приложения, с. 119.

*** 1) Исторические исследования и статьи К. Победоносцева. СПб. 1876, 8°, с. IV + 352; 2) Историко-юридические акты переходной эпохи XVII и XVIII веков, Москва, 1887, 8°, с. 287; 3) В непосредственной связи с названными работами стоят изданные в 1896 г. не для продажи Выписки из Полного собрания законов, 11 тетрадей folio.

**** *Ле-Пле*. К. П. Победоносцев, Москва, 1893, 8°, с. 28.

ций. Родовые воспоминания заводят нас в глубь истории и делают ее для нас, чем они глубже и достовернее, своим, семейным делом, кровным достоянием. Семья же роднит человека и с окружающей жизнью, приучая дорожить ее связями и условиями, примиряя с тяжелыми сторонами быта. Родовой протест против общества или государства невозможен; наоборот, гражданские доблести почти всегда, за самыми редкими и случайными исключениями, вырабатываются в целом ряде поколений, постепенно укрепляясь. Порции, Корнелии, Клавдии, Юнии, Юлии древнего Рима могут служить тому блестящими примерами. Государство крепко только семьей, — это старая истина, до того старая, что люди не любят с нею считаться и очень легко ее забывают.

Вполне естественно поэтому, что типичный и цельный представитель коренных особенностей русской жизни высоко ставил и ценил замечательного поборника семейных и родовых начал в современной Франции — Пьера Вильома Фридерика Ле-Пле. «Всякий, кто, желая быть юристом, говорит автор, ищет проникнуть далее буквы и формы, в самый дух учреждений, дабы узнать *правду* жизни и по правде действовать, — должен читать сочинения Ле-Пле» *. «Человечество со временем поставит высоко чистый его облик и провозгласит его имя как имя праведного. Один из членов французской академии сказал в порыве своей скорби, что с этою потерей (смертью Ле-Пле) уменьшилась сила человеческого разума. Добродетели Ле-Пле, его терпение, мужество, стойкость, доброта и благородство придали ему нравственную высоту, еще более выясняющую его заслуги как мыслителя и неутомимого деятеля, который, не касаясь злобы дня, забываемой назавтра, выдвинул на первый план принципы и законы, назначенные до конца веков действовать на развитие человеческих обществ» **. Таким образом сочувствие деятельности и идеям Ле-Пле тесно вяжется с общим характером воззрений разбираемого писателя и даже является в некотором роде их объединяющим разъяснением. В семье — основа государства, в ней источник любви и верности старине, в ней школа преданности началам родной жизни и благоговения к ее строю. Воспоминания родового труда на благо и пользу отечества внушают энергию и веру в этот труд, навевают спокойствие за судьбы будущего. В них же почерпается и спокойное, исторически-бесстрастное отношение к теням и язвам старины, чувство истин-

* Указатели и приложения, с. 110.

** Курс, т. 1, стр. 150 и сл., Указатели и приложения, с. 96–97.

ного историка, описывающего их как выздоровевший человек подробности миновавшей болезни. Вместе с тем эти воспоминания и традиции невольно выдвигают на первый план бытовые элементы истории, характеры и нравы, отражающие эпоху эпизоды, а не широкие историко-философские обобщения. Такой взгляд превращает историю в художественную летопись родного быта. Народ, как сказочный богатырь, мчится навстречу своим историческим судьбам, а из оставшихся следов, из *ископыхти* этого стремления, струится чистый ключ — источник новых сил и новой бодрости.

И в ночи к ключу студеному
Ходит зверь медведь воды попить
Понабраться силы богатырские.

А у источника этого ключа, как в родных былинах, стоит часовня во имя Спасителя, собирающая к себе неутомимых богомольцев. Так силы воли и силы духа дает людям история; но только семья действительно приобщает к ней отдельное лицо.

Именно таким духом, таким отношением к прошлому проникнуты бесстрастные, твердые, без ужимок и пафоса задним числом встречающие добро и зло истории, исследования К. П. Победоносцева. И много истинной патриотической гордости слышится в этом беспристрастном и правдивом созерцании своего темного прошлого. В нем — источник любви к настоящему, залог действительной, прочной верности свету родной старины, толчок к бодрому дальнейшему труду. Кто верит в свой народ, тому нет в прошлом ничего страшного, нет несмываемых, смертных грехов, и есть много поучения и радости в сравнении с ним современного настоящего в его сторонах и явлениях.

Вот по возможности сжатая характеристика содержания «Исторических исследований и статей». Историк права в них является вместе с тем историком быта и учителем устойчивой веры в будущее, «как посравнить, да посмотреть — век нынешний и век минувший!» Сообразно с этим и книга распадается на две части: «Исторические очерки крепостного права в России» и «Анекдоты из XVIII столетия». Отличным дополнением к ней служат упомянутые «Выписки из полного собрания законов», немалый интерес представляющие и сами по себе, несмотря на их значение сырого научного материала.

Всем известно значение и характер курса гражданского права К. П. Победоносцева. Теоретическая сторона курса не встретила похвал и одобрения от представителей нашей юридической науки, но практический характер книги сделал ее одним из трех

устоев, которыми держится наша цивилистика: это — 10-й том свода законов, «История Российского законодательства» Неволлина и «Курс» К. П. Победоносцева. Отдельные части его весьма неравны достоинством, но трудно решить, можно ли ставить в вину автору, а не состоянию законодательства, слабые стороны книги. Все, что можно было извлечь юристу-практику из умножения 10-го тома на все остальные 15 томов свода законов, извлечено, весь цивилистический материал нашего положительного законодательства собран и приведен в порядок в этом курсе. Почти безусловное отсутствие критики действующего права сливается здесь с безусловно исчерпывающим его изучением; зато в целом курс дает не теоретический идеал 10-го тома и не теоретический идеал будущего русского гражданского уложения, а полный систематический обзор наличного законодательства. Теоретическая сторона книги не то, что слаба, а скорее не нужна в ней и включена в ее состав, по-видимому, прямо вопреки научным влечениям автора, по соображениям учебного свойства, как краткие юридические начатки, не имеющие почти никакой цены для практики. Блистательным и поучительнейшим доказательством этого может служить для каждого юриста хотя бы отношение автора к вопросу о теории владения*. Теоретическое внутреннее единство действующего законодательства не имеет в себе ничего самостоятельно ценного для К. П. Победоносцева; система для него играет роль только удобного плана изложения, условной схемы свода указанных разногласий. Словом, теория и система ценны в его глазах лишь поскольку они органически вырастают из «леса законов», а не как творчески организационное и преобразовательное начало законодательства. Известно, что свод законов является своего рода историческим музеем указанной деятельности русского правительства, а не стройным и цельным уложением, будучи более близок по своему характеру к геологическим наслоениям и формациям, чем к архитектурным произведениям. И вот незаменимым путеводителем по этому музею-лабиринту является разбираемый курс. Автор его остается верным себе самому и крепче всего держится за действительность, не отклоняясь от нее ни в область чистого умозрения и идеала, ни в область зыбких обобщений и теоретической критики. 10-й том

* По тону, изложению и отсутствию подписи, могут быть приписаны К. П. Победоносцеву из примечаний к 1-й книге главы I–IV, VI–XIX, XXII, XXIII, из примечаний ко 2-й книге глава I, к 3-й книге главы II, IV, XXI, XXIV, XLII, XLIII, XLVII, LI, хотя, конечно, мы руководимся в этом отношении только личной догадкой, за верность которой не можем поручиться.

без «Курса» К. П. Победоносцева — непроходимая дебрь; курс К. П. Победоносцева помимо 10-го тома — архивный межевой план. Оттого все недостатки нашего законодательства выразились научными слабостями курса, и зато наиболее темные, запутанные и сложные его отделы получили в нем наиболее строгую и точную обработку.

IV

Остается сказать о художественном творчестве К. П. Победоносцева. Быть может, со стороны иных встретит возражения самая возможность воспользоваться этим выражением для характеристики тех произведений, о которых пойдет речь; но, тем не менее, можно твердо настаивать на том, что оно — единственное подходящее. Художественными произведениями разбираемого писателя мы считаем примечания к «Подражанию Христу» * и три книги, изданные за последние годы: «Праздники Господни» **, «Вечная память» *** и «Московский Сборник» ****. О последней из названных книг мне еще недавно довелось говорить довольно подробно *****, и потому я не буду повторять уже сказанного мною, тем более, что очень многое из замечаний на «Московский Сборник» всецело приложимо и ко всем художественным произведениям разбираемого писателя. Такова между прочим характеристика «Московского Сборника» как «антологии государственной лирики». Все последне-названные произведения нашего автора можно считать *изборниками* лирической прозы, составленными действительно «художником церковной речи» ^{6*}. Разумеется, спорное положение надо доказать; хотя это несколько и отклоняет нас от непосредственного предмета статьи, но вовсе обойти этот вопрос нельзя. Постараемся рассмотреть его с возможной краткостью, отсылая интересующихся по-

* Праздники Господни, второе издание, с дополнениями, С.-Петербург, 1894 года, мал. 8°, с. 174.

** Вечная память. Воспоминания о почивших. Издание К. П. Победоносцева. Москва, 1896 года, мал. 8°, с. 114.

*** Московский Сборник. Издание К. П. Победоносцева. Москва, 1896 года, 8°, с. 304.

**** «Новое время», 12 июня 1896 года, фельетон «Московский сборник».

***** Это выражение см.: Праздники Господни, с. 44.

^{6*} Поэзия и философия, «Новое время», 8-го июня 1896 года.

дробностями к тому, что было нами разъяснено в другом месте на эту тему*.

Всякое произведение мысли и слова с точки зрения субъективной является результатом некоторого творческого процесса, *сочинением*, будет ли то «Евгений Онегин» или объявление в газетах с предложением переписки. Наша речь, все наши суждения, все разговоры являются непрерывным творчеством, то есть некоторым положительным проявлением нашего духа в тех или иных внешних формах. От этого широкого понятия должно отличать его разновидность, творчество в объективном смысле, то есть стремление проявить в возможно более совершенных внешних формах возможно более совершенные замыслы. Критерий совершенства замыслов является вместе с тем и критерием видов творчества. Измеряя совершенство замысла красотой, мы предаемся творчеству художественному; измеряя его истиной — творчеству научному, в частности, философскому. Выполнение не может нам дать такого критерия потому, что всякое выполнение уже есть художественное творчество. Красота же свойственна формам бытия, а истина его содержанию. Совершенным формам бытия со времени Платона присвоено название идеала, а так как жизнь есть стремление к совершенству, и совершенным формам свойственна сила притягательного воздействия на все живое, то в понятие идеала мы невольно влагаем некоторое тяготение к действительному осуществлению. На основании изложенного под художественным творчеством следует подразумевать духовную деятельность, направленную к прекрасному выражению идеалов бытия. Напротив, творчество научное есть духовная деятельность, направленная к адекватному выражению истины, то есть сущности бытия с объективной точки зрения. Сообразно сказанному можно допустить, что исходная точка творчества художественного есть стремление к достоверно известному (независимо от критерия этой достоверности, то есть положительного знания или веры) идеалу, иначе говоря — недовольство, а исходная точка творчества научного — стремление к неизвестной сущности достоверных форм, иначе говоря — сомнение. В одном случае дух человеческий стремится к неизвестным формам, во втором — к неизвестной сущности. В связи с этим понятно, отчего всякое *выполнение* есть творчество художественное, а вместе с тем и то, отчего ораторское искусство причисляется к области художественного творчества.

С этой точки зрения по полному праву заслуживают названия художественных произведений статьи, входящие в состав пере-

* О подражании Христу, с. 290–291.

численных выше сборников. В них художественно не только выполнение, не только речь, но и замысел, концепция автора. Его мысль не рвется в неизвестное, как тревожная сила из тесноты знания; она упорно прилепляется к старому, давно известному, она проникает в вековые формы, изнутри освещая их новым, неожиданным смыслом. Старому, известному, дает автор новые, прозрачные формы. В области мысли он обладает тайною рентгеновских лучей, проникающих в твердые тела, открывающих глазу незримое хотя бы только очертаниями его теней. Конечно, его мысли касаются вопросов политики, права, истории, богословия, нравственности; их логический ход ясен, точен и тверд; ни скачков, ни резких оборотов мысли не допускает его легко и последовательно развивающееся изложение; и тем не менее это не научное творчество, не искусство публициста, а истинная, глубокая поэзия. «Некогда царь и пророк, — говорит он, — испытывавший горесть и обольщение всех радостей земных, посреди глубокой печали, молился Богу такую молитвою: *Правдою Твоею изведешь от печали душу мою*. Надобно, чтобы познал человек свое сердце во всей его *неправде*, и в своей неправде увидел бы *правду Божию*. Вот к чему ведет его печаль: ее нестерпимое жало понуждает человека вникнуть в себя, распознать пути свои и смирить свое сердце перед Богом: *печаль, яже по Боже*» *. В этих словах нельзя не узнать только что выясненной нами исходной точки художественного творчества — «стремления к достоверно известному (по вере) идеалу, иначе говоря — недовольства», и, стало быть, в произведениях проникнутого им автора — поэзии. Это, правда, не поэзия чувства, не самоуслаждение страстей в стремительном, ярком и пышном выражении, не гордое величие героизма, а тихая поэзия мысли, согласующейся с самыми чистыми и кроткими движениями души, поэзия сознательного чувства и проникновенного размышления. Тихие огоньки глубоких сердечных движений, как церковные свечи перед величавыми ликами икон, озаряют в ней строгие образы суровых жизненных воззрений. Автор ищет и находит в душе своей сладость долга, отраду самоуничтожения, негу воздержания. Его обдуманное, искусственно построенное, книжные речи точно вводят в храм Божий мысли даже неверующего человека, раскрывая перед ними пленительные тайны душевной жизни, протекающей под теми сводами и за теми для всех открытыми вратами, мимо которых спешно и небрежно проходит суэта его деловых забот. И зато эти же простые, прямые,

* Вечная память, с. 114.

крепкие речи становятся грозным логическим оружием против лукавых ухищрений изломанной, изолгавшейся современной мысли. Как рогатину против медведя, ставит автор свою стройную мысль против любого боевого термина, въедающегося разрушительной язвой в колеблющиеся умы современных людей, и укрепляет эту рогатину в любом пункте нашего тысячелетнего прошлого. Против каждой разнуздывающей фразы западных учений выдвигает он всю нашу историю и всю свою логику, сам оставаясь в стороне, бесстрастный и неколебимый.

В частности, мало можно прибавить о каждом из названных сочинений в отдельности. Нельзя только не заметить, что наиболее слабое из них в целом, невзирая на несравненные частности, — сборник «Вечная память». Характеристика людей — задача, совершенно не соответствующая особенностям литературных дарований автора. Он не умеет чувствовать и схватывать индивидуальностей людских, тех частных и особенностей, которые создают человека. В отдельных людях он чувствует и понимает, точно какую-нибудь математическую величину, их гражданскую силу, их политическое значение. Он прекрасно взвешивает исторический смысл человека, отвечает на вопрос: *что он сделал; но чем он был* — этого передать он не может*. Оттого крайне бледны, как-то манерны и витиеваты некрологи великих княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, Н. П. Шульц и баронессы Э. О. Раден. Несколько ярче, живее некрологи Н. В. Калачева и Н. И. Ильминского; а действительно хороши и вполне достойны своего автора заметка об Аксаковых и две статьи на смерть императора Александра III. Везде, конечно, даже в самых бледных очерках, можно узнать автора; но тем более становится ясно, что он взялся не за свое дело.

Напротив, высоко стоят и ярко выделяются в нашей литературе «Московский Сборник», «Праздники Господни» и примечания к «Подражанию Христу». Мною было уже указано в другом месте, что в них ожило своеобразное творчество московского периода нашей литературы, вновь зазеленела, как жезл Ааронов, по-видимому, совершенно омертвелая ветвь родной старины. Пространная характеристика каждого из этих сочинений завела бы слишком далеко, и потому придется ограничиться самым существенным. «Московский Сборник» в области мысли то же, что известное «Собрание насекомых» Пушкина. Все те летучие фразы, все хлесткие суждения, все склеенные из фраз характеры, подвижные и поворотливые, как перикати-поле, вся мошкара и шушера вертлявых последователей поденных мод и воззрений, которая облепляет, жалит и окружает жужжащим роєм

* Вечная память. С. 114.

труженика, ведущего свой неспешный плуг по вековой ниве, уловлена в нем быстрой и широкой мыслью, расправлена неумолимой логикой и засушена в назидание потомству. Вот что тебя встретит, что к тебе привяжется, что будет язвить и жалить тебя, сновать, жужжать, развлекать и беспокоить тебя, говорит автор своему единомышленнику. И не думай, что эти крылатые, звонкие фразы безвредны и бессильны:

...Куда ни взглянешь,
Их повсюду тучи;
Солнце затмевают,
Смелы и могучи!*

С ними необходимо считаться. Их уколы отвлекают руки от работы, их жужжанье и стрекотанье рассеивает мысль по мелочам, их множество делается просто страшным порою; своими преследованиями в неразработанных дебрях они насмерть заедают людей, загоняя их в непролазные трущобы. В их суеде безумеют непривычные люди и безрассудно мечутся, ничего не видя, не слыша и не понимая. А между тем, смотри, как ничтожно и безвредно это «жизнь отравляющее» племя, как тает их мнимая сила в едком дыму логики. И те страшные тучи, перед которыми ты сам себе казался таким беспомощным, так бесповоротно обреченным бежать пред их множеством, куда бы ни погнал тебя его стихийный произвол, — эти тучи состоят из таких ничтожных, мелких и бессильных заблуждений! Игрушками и блестящими любуются умы толпы, перед комариными укулами они трепещут. Дыма родного очага достаточно для борьбы с этим летучим племенем, а труд, расчищающий дебри, осушающий болота и возвращающий хлеб и каменные города на прежних бесплодных тундрах, и вовсе изгоняет их из своей области. А между тем, какую ложью, каким страхом перед множеством, какими презренными бегствами и постыдными отречениями наполняют они нашу жизнь! Сколько людей, в угоду летучим поденным фразам, изменяло лучшим заветам и преданиям старины, отрекалось от истины, сдавалось перед ложью! Трудно людям толпы считаться с толпою. Им не на что опереться, нечем оборониться; у них ни щита, ни оружия; а один в поле не воин. И вот этим людям, бессильным перед площадным отрицанием, бегущим с толпою и безмолвно теряющимся в ее ропоте, дает «Московский Сборник» и опору, и защиту, и оружие. «Московский Сборник» открывает самой простой и скромной толпе народной арсеналы

* П. А. Кусков. Наша жизнь, с. 52. (Истор. вестн., сентябрь, 1896, т. LXV).

высшего просвещения на борьбу с западом. Он взывает к народному уму, дает ему оружие и указывает врага. Эта книга — революционный манифест в области культуры; это уже не одинокая критика Страхова, шедшего в храмы западничающей толпы для низвержения ее идолов; она предлагает не судить, а обороняться и гнать обратно мутные волны господствующих у нас западных учений. Русский ум вооружается в ней по всей западной границе. Вполне естественно, что вооруженные умы не скликаются в ней в организованные полки, к знаменам и властям. Напротив: эта книга дает каждому оружие и шлет его домой. У каждой сельской церкви могут собираться партизанские отряды.

Всего определеннее выражены идеалы и симпатии автора в двух последних, еще не разобранных нами сочинениях — «Праздники Господни» и примечания к «Подражанию Христу». «Книга эта, — говорит автор о творении Фомы Кемпийского, — исполнена священной поэзии, каждая страница в ней дышит, если можно так выразиться, лирическим восторгом верующей души; всюду в ней слышится торжественная песнь о Боге, о вечности и о судьбе человека» *. Эти слова можно применить и к характеристике примечаний самого переводчика, и к его «Праздникам Господним». Это — *лирические рассуждения*, проникнутые глубокой религиозной поэзией. «Всякую душу, говорит автор, как бы ни была она погружена — и в молву людскую, и в безмолвие одиночества — праздник призывает петь песнь Вседержителю Богу» **. Такими праздниками мысли, одушевленными изливаниями многолетних размышлений и впечатлений, и являются отдельные главы названных сочинений. Твердые, глубокие мысли торжественно облачаются в них в величавые одеяния слов и, озаряемые согласными чувствами народными, приобретают какую-то неожиданную, необычайную силу и красоту. Глубокий художник открывает ими читателю — по крайней мере многим читателям — целую область возвышенных, чистых, светлых и прекрасных впечатлений, каждому когда-то привычных и знакомых, но давно погасших и забывшихся. Мирской, светской мысли открывается в них смысл и прелесть церковной жизни. «Воды наши питаются из тысячи мелких источников: едва приметными жилками сочатся начальные ключи сквозь мягкую почву, и каждый день новые жилки просачиваются: счастлив, кто с ранних пор привык заботливо осматривать ключи свои и укреплять рыхлую свою почву! Стоит на время забыть об них —

* О подражании Христу, с. III.

** Праздники Господни, с. 5.

и соберутся повсюду сонные воды, и ключи под ними закроются» *. Однако же, «кому случалось испытать на себе дивную силу воспоминаний, тот знает по опыту, как часто вдруг, неожиданно, среди равнодушия и усталости, среди шума и суеты, одно невзначай услышанное слово, один напев или звук будил уснувшую душу и мгновенно отворял ей двери в обширный мир прожитого минувшего. Мгновенно воскресала в душе живая картина из минувшей жизни со всею ее обстановкою, возникали из глубины прошедшего милые образы, давно оставшиеся позади нас, и душе слышалось так явственно, так понятно и улаживательно целая гармония того момента, которого коснулось воспоминание. Никакими словами невозможно выразить впечатление, производимое в душе таким воспоминанием: какая-то торжественная поэма слагается в ней из остатков минувшего, за минуту перед тем бывших отрывочными представлениями. Тут все они оживляются и сходятся в стройное целое. Все, что было слишком резко и угловато в действительности, пропадает, уступая место мягким тонам и краскам. Такие минуты принадлежат к лучшим минутам в жизни **. Истинно блаженны люди, ведущие восклицание в праздниках церковных» ***. Призванием к таким минутам и являются разбираемые произведения, достойно увенчивающие литературную деятельность К. П. Победоносцева, в которой, говоря словами поэта, действительно ожила

Святая Русь — и величава,
И православна, как была.

* Праздники Господни, с. 16–17.

** Праздники Господни, с. 16–17.

*** Праздники Господни, с. 11.